

Мальдивская загадка

Автор:

[Тур Хейердал](#)

Мальдивская загадка

Тур Хейердал

Дневник путешественника

До середины XX века никто из европейских археологов не вел раскопки на Мальдивах и эта страна оставалась terra incognita даже для своих собственных жителей. Но норвежский исследователь Тур Хейердал начинает новое приключение – он проникает в джунгли пустынного атолла Гааф-Гана и открывает руины ступенчатой, ориентированной по солнцу каменной пирамиды, стены которой покрыты солярными символами. Как она здесь оказалась? Кто ее построил? Кто жил на острове в незапамятные времена? Эти и другие ответы в книге бесстрашного путешественника «Мальдивская загадка».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Тур Хейердал

Мальдивская загадка

Первое путешествие

Глава I

Тайна тысячи островов

Погребенные скульптуры и жертвоприношение девственниц

Из старых мешков на красный ковер президентского дворца высыпались комья черной земли и зеленого мха, а следом за ними покатались прибывшие прямо из джунглей, одетые лишайником тяжелые камни.

Сановники, наблюдавшие необычную сцену, округлили глаза, и без того увеличенные стеклами очков. Его превосходительство Маумун Абдул Гайюм – президент молодой Мальдивской Республики не скрывал своего восхищения, как и почтительно стоявшие рядом с ним высокопоставленные чиновники в темных костюмах. Зато солдаты, которые принесли мешки, и озадаченные служители испуганно попятились. Никогда еще среди изящного дворцового интерьера не появлялись такие вещи, да и в собственные лачуги эти люди ни за что не стали бы их вносить.

Перед нами на ковре лежали поврежденные эрозией известняковые блоки. Когда-то аккуратно высеченные из слагающей острова белой коренной породы, они успели потемнеть от времени, но на одной из граней под слоем лишайника все еще отчетливо выделялось рельефное изображение. Выпуклость на обратной стороне свидетельствовала, что эти камни вставлялись в стену.

Детали резьбы выступали над плоскостью примерно на толщину пальца. Особенно впечатляли большие – с суповую тарелку солнечные символы. Изображающий солнце круг обрамляли кольца, одно шире другого. Классическое изображение солнечного божества у всех солнцепоклонников со времен древнейших цивилизаций Месопотамии и Египта. Некоторые камни были отделаны с большим изяществом, по бокам солнца высечены крылья, образуя

узор, напоминающий эмблему современной авиакомпании. Крылатое солнце тоже типичный мотив древнего искусства Египта и Месопотамии.

Два-три камня заметно выделялись более сложным оформлением. Ряд отдельно стоящих солнечных цветков чередовался с рельефным символом, в котором вертикальные полосы сочетались с тремя выстроенными по вертикали точками, примерно так изображались числа в письменности майя. Выше этого ряда по краю камня тянулась широкая кайма с мотивом лотоса. Солнечный цветок – еще одно изображение, характерное для древних солнцепоклонников, а лотос символизировал восход у народов, населявших обширную территорию от Египта поры фараонов до Месопотамии и Древней Индии.

Было очевидно, что нами найдены вещи, каких никто не ожидал увидеть на островах посреди Индийского океана. Сами островитяне признавали, что никогда не видели ничего подобного. Они верны исламу. Все жители Мальдивского архипелага мусульмане, их предки больше восьми веков исповедовали ислам, с тех самых пор, как в 583 году по мусульманскому календарю, то есть в 1153 году н. э., тогдашний султан указом утвердил здесь эту религию, после чего никто из жителей архипелага не решился бы вырезать такие мотивы. И ведь всякий, кто теперь захочет поселиться на Мальдивах, обязан принять мусульманскую веру.

Тем не менее мы, едва прибыв на Мальдивы, натолкнулись на камни с декором. Правда, их не так-то просто было отыскать под слоем мха среди джунглей. Блоки с рельефными изображениями были нами обнаружены на необитаемом острове в крайней южной части длинной цепочки атоллов, предельно далеко от главного острова республики Мале и всех туристских маршрутов. В столицу мы доставили лишь некоторые образчики того, что таили в своих недрах джунгли. Сначала привезли их в маленький столичный музей мусульманских реликвий, но президент пожелал лично ознакомиться с ними в своем дворце. Он принял нас очень любезно, с достоинством воспринял появление грязных мешков, когда же узрел их содержимое, просиял, словно мальчуган при виде подарков Деда Мороза. Медленно поднявшись с кресла, он гордо произнес:

– Конечно, наша республика молода. Но теперь мы получили доказательства, что и у нас, как у наших соседей на материке, есть древняя история!

Камни остались лежать на красном ковре, когда мы покинули дворец. Солдаты должны были отнести их обратно в единственный на Мальдивах музей, где этим

реликвиям предстояло на время укрыться в каком-нибудь закутке, ибо они никак не совмещались с экспонатами, представляющими искусство и историю мусульман. Я же унес с собой из дворца выполненную из слоновой кости великолепную модель мальдивской парусной дхони и личное приглашение президента организовать первые археологические раскопки в государстве на архипелаге, насчитывающем около 1200 островов.

Приняв освежающий душ, я прилег на кровать в номере маленькой гостиницы неподалеку от дворца. Впрочем, на крохотном островке Мале все находится рядом.

Я было запустил вентилятор под потолком, но тут же выключил его: шум мешал думать. А думать было необходимо, хотя голова совсем не хотела работать в этом благодатном тропическом климате. Солнце, море, белый песок и кокосовые пальмы за окном манили предаться сладостному отдыху, не заботясь ни о чем, кроме радостей жизни. Тем не менее я призвал к порядку свой разгоряченный мозг, чтобы осмыслить в целом достаточно ясную ситуацию. Еще какой-нибудь месяц назад у меня было самое смутное представление о Мальдивах. На прошлой неделе я впервые прибыл в эту страну и провел сутки в той же самой гостинице, после чего мы с Бьёрном Бюэ отправились на южные атоллы. Теперь вот снова вернулись в Мале, и, пока из дворца в музей несут пять тяжелых камней в грязных мешках, а еще одиннадцать образцов находятся в пути на главный остров, я, лежа на знакомой кровати, размышляю над неожиданным предложением президента республики попытаться восстановить забытое прошлое его страны.

Есть отчего прийти в замешательство.

Вот именно, ведь я практически ничего не знаю об этой стране. Меня привела сюда чистая случайность, и я просто не успел подготовиться. Уж, наверное, прибывающие в аэропорт по соседству с Мале обычные туристы, вооруженные путеводителями на своем родном языке, подготовлены лучше, чем я. До прошлой недели эти острова были для меня лишь точками на карте океана с такими странными названиями, что я и читал-то их не без труда. Я не знал местного языка – дивехи. Мне ничего не говорили необычные знаки здешней письменности. Больше всего они напоминали мне мелко нарезанные полоски спагетти. Мальдивцы называют эти знаки габули тана или тана акуру и едят их справа налево.

Так мне ли браться за осмысленный поиск неизвестных этим людям сведений об их собственных предках?

И где искать, на каком из 1200 островов?

По совести, это задача для человека, лучше меня знающего здешние обстоятельства.

Но в то же время до чего увлекательная задача... Эта страна среди океана член Организации Объединенных Наций, а между тем никто не знает, как она возникла. Еще ни один археолог не исследовал эти острова – слишком удалены они от всех материков.

Правда, у меня было одно преимущество. Я кое-что знал о древнем мореходстве. Нам потому и удалось найти эти камни. Я сознательно искал гам, где, скорее всего, могли пристать первобытные суда. Слишком долго господствовало воззрение, будто мореплаватели доевропейских цивилизаций предпочитали держаться берега континентов, потому что боялись заблудиться в открытом море. И потому что суда их не годились для серьезных плаваний. Однако за последние годы я испытал со своими друзьями разные типы древних судов и пересек на них три океана. Во время последнего эксперимента, пройдя на камышовой ладье «Тигрис» от бывшей Месопотамии к долине Инда, мы вполне могли продолжить плавание на юг вдоль берегов Индии и дойти до Мальдивов. Вместо этого мы предпочли идти через Индийский океан в Африку. Именно этот эксперимент побудил мальдивцев зазвать меня теперь в их страну. Они не верили, что доевропейские мореходы плавали только вдоль берегов. Они знали, что их собственные предки пересекли океанские просторы в доевропейскую эпоху. Не знали только откуда.

Кроме того, мальдивцам было известно, что следом за первопоселенцами на острова прибыли арабские мореплаватели – и тоже за много веков до того, как вышел в океан Колумб. Документированная история Мальдивов берет свое начало в XII веке н. э., она запечатлена знаками их письма на медных листах старинных книг, из коих явствует, что ислам был введен здесь в 1153 году арабскими мореходами. И вот теперь мы обнаружили в мальдивских лесах камни с резными узорами – памятники народа, который приплыл на здешние острова до арабов и поклонялся не Аллаху, а солнцу.

Президент был прав. Мальдивская Республика молода – последний самодержавный султан уступил место демократическому правительству в 1968 году. Однако эти скромные островитяне, опираясь на письменные источники, могли кое-чему научить мир на примере восьми с лишним веков своей мирной истории. Все, что было до того, оставалось девственной почвой, ожидающей исследователя.

Если я возьмусь за исследование, придется начинать с азов. Прежде всего, ознакомиться с тем, что уже известно другим. При этом у меня есть определенное преимущество – здравая гипотеза, указавшая мне прямой путь к камням, которые мальдивцы сейчас несли в свой музей. Разумеется, в пестром потоке посещающих Мальдивы туристов были и ученые. Туристы приезжали в роли таких современных солнцепоклонников. Ученые изучали жизнь местного населения и сообщали о своих наблюдениях. Но среди них не было ни одного профессионального археолога. Я быстро выяснил, что в недалеком прошлом несколько энтузиастов поработали киркой и лопатой, однако их почин не был развит представителями современной науки.

Гул реактивного самолета привлек меня к окну. Исполин XX века приземлялся на узкой летной полосе, которую приверженцы ислама недавно пристроили к соседнему с Мале островку. Немецкие, итальянские и шведские туристы спускались по трапу, направляясь в маленькое здание аэропорта. Пока что другие нации вроде бы не открыли для себя этот лучезарный рай. И вряд ли кто-либо из прибывших гостей появится на Мале или на каком-нибудь другом острове, населенном мальдивцами. Поставщикам валюты власти отвели солнечные пляжи соседних атоллов, где сохранились необитаемые острова. Похоже, что солнце издревле привлекало людей на Мальдивский архипелаг. Даже в доисторические времена. Нашли же мы развалины солнечного храма, причем на нужный остров нас привело само солнце. Да-да, само светило указало нам кратчайший путь к солнечному храму. Хотя вообще-то не оно, а письмо со штемпелем авиапочты привело меня на Мальдивы. Чуть больше месяца назад, когда Мальдивские острова были для меня всего лишь точками на карте, я обнаружил в своем почтовом ящике плотный конверт с экзотическими марками Шри-Ланки. С этого все и началось.

В конверте лежала большая фотография. Я полагал, что увижу красочные снимки шри-ланкийских пляжей и пальм, но меня ждал сюрприз. На черно-белой фотографии – торчащие из земли голова и плечи крупной каменной скульптуры. Голова была искусно изваяна и хорошо сохранилась. Приветливое, чуть

улыбающееся лицо, и одна особенность, которая тотчас привлекла мое внимание, – уши. Мочки ушей свисали до складок плаща на плечах изваяния. И хотя скульптура изображала мужчину, курчавые волосы, похоже, были собраны в пучок на макушке.

Каменное изваяние мужчины с удлинёнными ушами и пучком волос. Меня охватило волнение. Что это, как не повторение загадки острова Пасхи, которая много лет не давала мне покоя! На Пасхе вот так же стоят сотни огромных каменных бюстов, изображающих мужчин с висящими до плеч мочками ушей и с пучком волос на макушке. Конечно, тамошние изображения достаточно условны. Изваяние на фотографии выглядело более реалистично. И все же, если снимок сделан не слишком далеко от Пасхи, если расстояние допускает связи по морю, можно предположить некое родство древних скульпторов, изваявших эти бюсты.

Горя нетерпением узнать, где снята фотография, я развернул приложенное к ней письмо. Оно и впрямь было отправлено со Шри-Ланки, но снимок сделан на одном из атоллов Мальдивского архипелага.

Какие уж тут связи! Мальдивские острова находятся по ту сторону планеты, от Пасхи их отделяет половина окружности земного шара.

Вспомнив, как мы на «Тигресе» обсуждали, не пойти ли нам от устья Инда через океан на юг, к Мальдивским островам, я снял с полки глобус и отыскал Мальдивы. Ну да, как я и думал. Остров Пасхи и Мальдивский архипелаг – антиподы. Их разделяют 180 градусов долготы, как раз половина земной окружности. Зато от Мальдивов до долины Инда ближе, чем от Пасхи до Перу. Древние ваятели могли принести на Мальдивы обычай удлинять мочки ушей из континентальной Азии, где он существовал в приморье со времен Индской цивилизации. Пасхальцы заимствовали его из Перу, там этот обычай был распространен среди инков.

Никакой связи. Уложу-ка я лучше чемодан: завтра мне лететь через Америку в Японию.

Однако мысль о длинноухой статуе не давала покоя. Я снова взял фотографию и внимательно перечитал письмо. Оно было подписано незнакомым мне человеком: Бьёрн Руар Бюэ, директор Международного фонда «Уорлдвью», с главным правлением в Коломбо, столице Шри-Ланки. Когда я учился в школе,

Шри-Ланка именовалась Цейлоном. Фонд «Уорлдвью» был мне известен: я сам записался в его члены, поскольку деятельность фонда направлена на лучшее взаимопонимание между экономически развитыми и развивающимися странами. «Уорлдвью» обучал студентов из так называемого третьего мира съемке видеофильмов для показа в индустриальных странах. У обеих сторон есть чем поделиться друг с другом. Некогда связи при помощи древних судов способствовали развитию первых цивилизаций. Мы и теперь можем многому поучиться у простых общин, пока не вытеснили их совсем.

Из письма следовало, что Бьёрн Бюэ только что побывал на Мальдивах, чтобы учредить там местный филиал своего фонда. Снимок ему показал один чиновник, когда увидел, что я значусь в списке членов «Уорлдвью». Мальдивцы внимательно следили за плаванием «Тигрису», надеясь, что камышовая ладья придет на их архипелаг. Недавно житель одного маленького атолла обнаружил это каменное изваяние, и упомянутый выше чиновник подумал, что не мешает послать мне фотографию, может быть, она склонит меня приехать и поискать ответ на загадку, которая кроется за этим свидетельством древнего мореплавания.

Я вернулся к снимку. Похоже на изображение Будды. У Будды как раз были такие удлиненные мочки. Именно он и его последователи широко распространили этот обычай в странах Азии.

Будда родился в VI веке до н. э. Но не он положил начало упомянутому обычаю. В некоторых областях Индии задолго до его рождения у знати было заведено растягивать мочки ушей. Будда-эпитет действительно жившего человека, индийского принца Сиддхартхи Гаутамы. Он принадлежал к аристократическому роду, в котором свято блюли давнюю традицию продырявливать мочки и удлинять их тяжелыми затычками. И традиция эта старше самой индийской аристократии: множество больших затычек вроде тех, какими пользовались знатные инки и «длинноухие» острова Пасхи, недавно раскопано в Лотхале – портовом городе древней цивилизации долины Инда.

Считать ли чистым совпадением, что далекие острова в океане, вроде Мальдивов и Пасхи, были открыты и заселены мореплавателями, чьи боги и представители знати украшали мочки ушей широкими дисками? Может быть, это и впрямь совпадение. А может быть, и нет, ведь речь идет о мигрирующих группах весьма искусных мореходов, о чем свидетельствуют их океанские плавания.

Во всяком случае, независимо от того, кого изображала статуя на снимке Будду или кого-нибудь из его длинноухих предшественников, – было ясно, что этот бюст изваян до того, как с утверждением ислама на Мальдивах был введен строжайший запрет на любые изображения человека. К тому же на фотографии статуя почти до плеч уходит в грунт – остается только гадать, что еще могут показать раскопки?.. Я продолжал восстанавливать в памяти ход событий. Минула всего неделя, как я впервые прибыл на Мальдивы. И каких-нибудь пять недель с тех пор, как получил загадочный снимок. В тот момент я собирался в дорогу, на руках у меня был авиабилет до Японии. Где уж тут заниматься подготовкой к визиту на Мальдивы. Я попросил одного из своих друзей ответить за меня директору «Уорлдвью». Сообщить, что я готов сразу после конгресса в Японии лететь на Мальдивы через Бангкок, если там меня встретят и объяснят, как действовать дальше.

Не могу сказать, чтобы я чувствовал себя очень уверенно, когда, прилетев, наконец, в Бангкок, прошел через таможню и паспортный контроль. Все это время я не получал больше никаких известий с Мальдивов. Однако в зале аэропорта я увидел кинооператора, с которым относительно недавно встречался в Осло. Пожимая мне руку, Найл Холлэндер, коротыш с пышной бородой и большими очками, заверил меня, что с поездкой на Мальдивы все улажено. Он сам направлялся туда, чтобы отснять характерные для Мальдивов лодки дхони. Высокий изогнутый нос этих лодок заканчивался подобием веера, как у папирусных ладей Древнего Египта. Вообще Найл задумал снять в Азии документальный фильм о последних в мире людях, чья жизнь всецело связана с парусными судами, и теперь он вызвался сопровождать меня на Мальдивы. На другой день мы вместе вылетели в Шри-Ланку.

В столице Шри-Ланки, Коломбо, нас встретил другой бородач. С ним я не был знаком. Высокий, широкоплечий, голубоглазый, он провел нас через все аэропортовские препоны, сочетая нахрап викинга с кроткой улыбкой миссионера. Норвежец Бьёрн Руар Бюэ явно чувствовал себя как дома в тропических широтах и сумбуре аэропорта. Прибыв в Шри-Ланку из Норвегии как представитель протестантской Миссии, он, благодаря знанию местного языка и обычаям, в конце концов, перешел в «Уорлдвью» и возглавил управление фонда. В число его обязанностей входило руководство всем, что касалось киносъемок.

Бьёрн весело рассмеялся, когда я поблагодарил его за фотографию, которая заманила меня в этот уголок земного шара. Из аэропорта через шумный тропический город Коломбо он повез меня к себе домой. Найл взял курс на

маленькую гостиницу, где ему предстояло соединиться с двумя другими участниками киноэкспедиции на Мальдивы.

Дома у Бьёрна и Греты Бюэ я услышал первые лекции о Мальдивах. Но сперва мы совершили вылазку в город за картой. В невзрачном магазинчике, поместившемся в старой развалюхе, мы нашли последнюю во всем Коломбо навигационную карту Мальдивов и, торжествуя, вернулись с этим сокровищем в бунгало Бьёрна, где уже собралась куча желающих познакомиться со мной. Работа в «Уорлдвью» обеспечила Бьёрна Бюэ обширнейшими знакомствами в местных кругах. Представляя мне одного из гостей, Бьёрн пояснил, что он располагает важной информацией. Звали гостя Роланд Сильва, высокий джентльмен с аристократической внешностью, он возглавлял на Шри-Ланке археологическую службу, побывал и на Мальдивах. В прошлом архитектор, Сильва со временем увлекся археологией и теперь руководил программой ЮНЕСКО по раскопкам и реставрации трех наиболее важных исторических объектов Шри-Ланки – огромных буддийских храмов в так называемом археологическом треугольнике.

Я рассказал, что собираюсь выкопать каменное изваяние на Мальдивах. Услышанное в ответ потрясло меня.

Боюсь, эта статуя уже выкопана и разбита, – сказал Роланд Сильва. – Жители Мальдивов – фанатичные мусульмане, они не терпят ничего, что запрещено Кораном. Не признают собственной истории своего народа до введения ислама.

Я узнал от него, что шри-ланкийские археологи давно мечтают провести раскопки на Мальдивах, но кто же даст им, буддистам, разрешение. Мальдивские власти решат, что их интересуют буддийские памятники. О мальдивцах как о народе Роланд Сильва мог сказать только хорошее, но во всем, что касается религии, они упрямы и несговорчивы.

Я раскрыл купленную нами карту Мальдивов. Сильва согласился, что архипелаг лежит как раз на пути мореплавателей, желавших обогнуть южную оконечность Азии. Пролив шириной 40 миль, отделяющий Индию от Цейлона, то бишь Шри-Ланки, опасен из-за обилия рифов и отмелей. Огибая Индийский субконтинент, парусные суда должны были спускаться на юг достаточно далеко, чтобы миновать также Шри-Ланку, а тогда им неизбежно следовало искать проход в длинной цепочке Мальдивских островов. На обычной карте цепочка эта выглядит как россыпь безобидных зернышек, подробная навигационная карта

рисует совсем другую картину. Моим глазам предстала весьма коварная преграда. Никакой адмирал не смог бы выбрать лучшей позиции для минного поля, чтобы перекрыть морские пути южнее этой оконечности Азии. На 600 миль с севера на юг из пучин Индийского океана вздымается вверх острый горный хребет. На поверхности моря он увенчан коралловыми рифами, песчаными отмелями и двумя рядами атоллов. Этот двойной барьер сулит большие неприятности мореплавателям. Острова так незначительно выступают над водой, что, не будь кокосовых пальм, они оставались бы невидимыми до той минуты, когда судно окажется во власти прибоя. И только в южной оконечности длинной коралловой баррикады открываются два пролива, допускающие безопасное сообщение между западным и восточным побережьем полуострова Индостан.

Чем больше смотрел я на эту карту, тем сильнее манили меня острова, занимающие столь важное положение. Независимо от того, уцелела статуя или нет, хотелось своими глазами увидеть, что на них скрывается. Понимая это, Роланд Сильва дал мне почитать очень ценную давнюю публикацию о Мальдивах. И так как другого экземпляра в Коломбо не оказалось, он разрешил мне снять фотокопию. На Мальдивах, подчеркнул он, я вряд ли найду этот материал.

Составил публикацию бывший британский комиссар на Цейлоне Г. С. П. Белл. Первый раз он попал на Мальдивы в 1879 году в результате кораблекрушения. Из предисловия явствует, что Белл затем дважды побывал на архипелаге, выполняя поручение цейлонского правительства «исследовать существование в прошлом буддизма на этих островах». При таком задании ему приходилось действовать чрезвычайно осторожно, чтобы не задеть религиозные чувства мусульман. Белл раскопал несколько курганов, которые определил как остатки разрушенных дагоб[1 - Дагоба - монолитное полусферическое сооружение, установленное на квадратной или круглой платформе. Разновидность буддийской ступы. Так же означает специальную камеру в ступе, предназначенную для хранения священных реликвий.] или ступ[2 - Ступа - в перев. со санскрита «макушка, куча земли, камней, земляной холм» - культовое буддийское архитектурно-скульптурное сооружение полусферической формы. Поначалу служило реликвариумом.], напоминающих буддийские храмы Цейлона.

Словом, на Мальдивах, несомненно, было что искать. Понятно, методы раскопок Белла оставляли желать лучшего. За пределами Шри-Ланки мало кто читал его отчеты, и почин не был подхвачен профессиональными археологами. Тем не

менее, записи услышанного от островитян и собственные наблюдения Белла могли стать великим подспорьем для всякого, кто, подобно нам, надеялся организовать исследования на Мальдивах.

И еще один интересный труд привлек мое внимание – только что вышедшая из печати книга Кларенса Мэлони «Народ Мальдивских островов». Правда, в ней речь шла не о прошлом архипелага, а о современных мальдивцах. Но доктор Мэлони, сотрудник Пенсильванского университета, был профессиональный антрополог, специалист по народам Южной Азии. Это позволило ему высказать примечательные суждения о происхождении мальдивского языка дивехи. В некоторых словах дивехи он усматривает родство с санскритом и иными древними языками Северной Индии, другие связывает с языками Южной Индии и Шри-Ланки.

Хотя Мэлони, естественно, не мог знать об открытии длинноухого изваяния, его, тем не менее, заинтриговало большое разнообразие физического типа людей, живущих бок о бок на океанских островах, а также комплексное происхождение их языка. Наблюдения над современными мальдивцами навели его на такое заключение: «...следует быть готовым к тому, что история мальдивской культуры окажется более сложной, чем принято думать». Мэлони допускал, что в доисторические времена на эти далекие острова могли прибыть представители разных народов.

Сказано яснее ясного. И если можно сделать такой вывод, даже не копнув землю, уж, наверно, есть смысл провести на Мальдивах археологические раскопки. Правда, Мэлони смотрел на это менее оптимистически, чем Белл: «Археологические исследования древней истории этих островов не производились, да это вообще затруднительно, учитывая состав грунта – коралловый песок и высокий уровень грунтовых вод».

И, похвально отзываясь о современных мальдивцах, он все же делал оговорки: «Полевые антропологические исследования на Мальдивах сопряжены с утомительными переездами, а также с трудностями в получении доступа на многочисленные мелкие островки, чье население по традиции недоброжелательно относится к иностранцам, и в налаживании контакта с чрезвычайно консервативным обществом, приверженным строгим исламским идеалам».

Эти слова, как и новость, которую сообщил мне Роланд Сильва, не очень-то обнадеживали. Но теперь ничто не могло меня остановить. И вообще, если бы мальдивцы не желали, чтобы я приехал производить раскопки, почему же они попросили Бьёрна переслать мне фотографию длинноухого изваяния?

Три дня спустя мы увидели Мальдивы с воздуха, и точки на карте, как говорится, ожили. Из иллюминатора они смотрелись, точно разложенные на синем бархате нефритовые ожерелья и изумрудные броши. Безбрежный Индийский океан под нами отливал особой синью, присущей морской пучине, когда она отражает безоблачное тропическое небо. Солнце стояло у нас прямо над головой, и острова лучились яркой зеленью сплошного полога пальмовых крон. Каждый островок был драгоценным камнем в оправе из золотистого пляжного песка, и широкое кольцо бутылочно-зеленой воды обрамляло цепочку коралловых рифов, исполинским грибом вздымающуюся из бездонной синевы. Уже теперь одно было совершенно очевидно: Мальдивский архипелаг – подлинное украшение лика нашей планеты.

Рокочущий воздушный лайнер был битком набит организованными группами бледнолицых европейцев, которые толкались у иллюминаторов, чтобы хоть одним глазком взглянуть на несравненную картину великолепия природы. Да и я уже не был одинок в своем путешествии. Кроме Найла и его товарищей-кинооператоров, со мной летели Бьёрн и два шри-ланкийских студента, приглашенных им в расчете на то, что они найдут сюжеты для учебных съемок.

Вот скользнул назад под нами первый остров, приближаясь, вырос второй. Показалась узкая посадочная полоса в обрамлении морской воды. Рядом, на краю той же тихой лагуны, весь в зеленых садах – остров Мале с одноименным городом. Легкий толчок возвестил, что мы приземлились в Мальдивской Республике, древней обители народа неизвестного происхождения, а в наши дни – развивающейся стране с населением около 160 тысяч правоверных мусульман.

Мы явились гостями на земли древнейшей цивилизации, со своей собственной письменностью. Ныне эти острова составляют территорию неприсоединившегося государства с демократическим правительством, которое приобщает мальдивцев к реальностям реактивного века. Пожалуй, это единственная в мире страна с таким обилием разрозненных клочков земли, что подсчеты никогда не сходятся, и до сих пор нет единого мнения, сколько же в архипелаге островов. На английской навигационной карте показано около 1100, недавний подсчет, проведенный властями, дал цифру 1196, туристский

путеводитель утверждает, что их 1983. Да и как тут угадаешь, если какие-то островки возникают на месте подводных рифов, а другие тем временем исчезают, разрушенные океанскими валами. Самые высокие поднимаются на неполных два метра над уровнем моря, их свободно захлестывали бы волны, не будь образуемых рифами естественных барьеров. Постоянное население есть лишь на 202 островах, еще кое-где сохранились следы прежнего обитания. И на одном из несметного множества клочков суши была найдена статуя, ради которой я прилетел на Мальдивы.

Никогда еще не доводилось мне путешествовать в обществе такого количества кинооператоров. Тут и Найл в сопровождении Харальда из ФРГ и Джона из Канады, тут и Бьёрн со своими шри-ланкийскими подопечными Палитхой и Салией, а в аэропорту нас встречал бывший ученик Бьёрна, мальдивец Абдул, – он взялся помочь нам пройти через таможню. Абдул работал на мальдивском телевидении, передачи которого можно смотреть только в Мале. Правда, в столице живет около трети всего населения республики, и теснота здесь такая, что приходится отвоевывать новые площади у океана, сваливая в него твердые отбросы.

Катер быстро доставил нашу восьмерку из аэропорта в столицу, где отряд Найла сразу затерялся в скопище снующих навстречу друг другу дхони. Тех самых суденышек, которые интересовали Найла. Вдоль берега бок о бок выстроились полчища дхони, многие с мачтами и парусами и все со знаменитым, изогнутым кверху носом, так что их можно было принять за деревянные копии изящных папирусных ладей фараонов.

Туристы исчезли. Прямо из аэропорта быстроходные катера и дхони с кабинами увезли их на выделенные для иностранных гостей островки. Днем туристы могут приезжать в Мале для посещения магазинов, но после 22 часов столица для них закрыта. Еще в самолете каждый пассажир получил памятку с перечнем, из коего следовало, что в Мальдивскую Республику запрещено ввозить собак, спиртное и фотографии обнаженных красоток. Но на отведенных иностранцам островах запреты ислама на туристов не распространялись.

Абдул сообщил, что для нас забронированы номера в правительственной гостинице «Сосунге» в Мале. А так как номеров в этой гостинице совсем немного, фактически она вся была в нашем распоряжении. Отправив багаж вперед на такси, Абдул повел меня и Бьёрна вдоль оживленной набережной на встречу со своим начальником, Хасаном Манику, возглавляющим мальдивское

телевидение и министерство информации, это по его просьбе Бьёрн прислал мне снимок длинноухой статуи.

В просторной приемной министра царила атмосфера, не сулившая нам ничего хорошего. Никто не встретил нас. Сидевшие за столами девушки либо что-то печатали на машинке, либо читали детективы. Сам шеф восседал за стеклянной стеной, отвечая на телефонные звонки и делая какие-то записи. Он был так занят, что ему было не до посетителей. Мы посылали ему записки и делали учтивые знаки, однако что-то явно не ладилось. В конце концов, я сдался и пошел в гостиницу. Вскоре раздался телефонный звонок: директор мальдивского телевидения желает немедленно принять нас. На этот раз мы проникли за стеклянную стену, и оказалось, что Хасан Манику – очень славный человек. Невысокий на европейскую мерку, зато плечистый, с круглым лицом, какое обычно (но не в этом случае) выдает любителя поесть. Официальная маска быстро исчезла с его лица, и оказалось, что под ней скрывается весьма приветливый, а главное, прекрасно осведомленный руководитель. Правда, когда дошло до сути, нас ожидал холодный душ. Статуя? Каменное изваяние с длинными ушами?

– Эта статуя уже выкопана, – твердо произнес Манику. – Она была в виде бюста.

– Выкопана? – повторил я. – Каким-нибудь археологом?

– Местными жителями, – последовал невозмутимый ответ. – Они разбили бюст на мелкие куски.

Невероятно. Предположение Роланда Сильвы оправдалось.

– Религиозные фанатики. – Манику пожал плечами. – Голову нам удалось спасти. Вы можете ее увидеть, она хранится в музее в парке Султана.

– Но мне хотелось бы посетить остров, где ее нашли, – огорченно заявил я. Может быть, там найдется еще что-нибудь, если покопать в том же месте.

– Нет, там вы больше ничего не найдете.

– Хорошо бы все-таки посмотреть. Я проделал такой длинный путь. Бесполезно. Манику снова надел строгую маску. На этом острове больше нечего смотреть. Все выкопано и разбито. Даже остатки какого-то древнего храма сровняли с землей. Ничего нет. Манику так упорно отвергал саму идею посетить этот остров на катере, что я понял: продолжать дискуссию бесполезно. Либо там и впрямь больше нечего смотреть, либо они по какой-то причине не хотят нас туда пускать. Посмотрю хоть голову в музее... Манику взял телефонную трубку и отдал соответствующее распоряжение.

Когда Мальдивы стали республикой, дворец султана был разрушен, однако в парке остался летний дом, в котором поместили национальный музей. По бокам крыльца лежали две-три ржавые пушки и старая немецкая торпеда, отряд престарелых пенсионеров исполнял обязанности сторожей, кассиров и билетеров. Манику распорядился, чтобы нам дали осмотреть и сфотографировать каменную голову, и четыре старца проковыляли вниз по ступенькам на парковый газон, неся на куске мешковины белую как мел тяжелую скульптуру. Напрашивалось сравнение с выглядывающим из гамака призраком... И хотя лица носильщиков выражали крайнее отвращение к языческому изделию, они бережно опустили огромную голову на газон.

Освещенный жаркими лучами солнца, призрак смотрел на нас широко открытыми глазами, слегка улыбаясь. При всей своей величине реалистичная, как посмертная маска, великолепно исполненная голова Будды. С туловищем и конечностями искусно вырезанное из белого островного известняка изваяние, наверно, было много выше человеческого роста. Лицо-то самое, выразительное, с кроткой улыбкой на сжатых губах, которое я узнал по фотографии. Глаза первоначально были покрашены, придавая живость приветливому лику. Волосы обозначены мелкими кудрями и собраны в узел на макушке. Спускавшиеся до плеч мочки ушей внизу повреждены, но все равно неестественно длинные. Похоже было, что кто-то давным-давно пытался замазать все лицо и глаза скульптуры тонким слоем известки, чтобы ослепить ее. Возможно, это сделали сами буддисты, когда с введением новой религии восемь веков назад их вынудили отречься от своего божества. После 531 года по мусульманскому календарю, или 1153 года нашего летосчисления, ни один мальдивец не стал бы приходить с жертвоприношением в виде цветов к этому улыбающемуся великану.

Но самый большой сюрприз ожидал нас за одной из дверей внутри маленького музейного здания. В двух комнатках на первом этаже были выставлены

троны, кровати и прочее имущество бывших султанов. В зале и на втором этаже – продолжение экспозиции: оружие, музыкальные инструменты, гобелены, великолепные образцы старинных мальдивских лакированных изделий. Все это перемежалось антиквариатом вроде слоновых бивней, оленьих рогов, разных вещей, выброшенных волнами на берег. Был даже камень с изображением флага – сувенир в память о полете «Аполлона-14» на Луну.

Изрядно ошалев от пестрых впечатлений, мы спустились по крутой лестнице обратно и тут сделали подлинное открытие. Принеся обратно большую голову Будды, сторожа открыли дверь чулана, из полумрака которого на нас воззрилось диковинное собрание жутких демонов и причудливых фигур из дерева и камня. Возвращенная на свое место голова Будды казалась улыбающимся белым ангелом в окружении страшилищ с высунутым языком и оскаленными клыками, призванными подчеркнуть свирепое выражение злобных глаз. Добро и Зло воплощенные в камне разными ваятелями и лежащие бок о бок на каменном ложе султана.

Избавившись от тяжелой ноши, сторожа поспешили покинуть чулан. При этом они поглядывали на нас, как бы желая удостовериться: понимаем ли мы, что это не их боги, что они были бы рады вовсе от них избавиться. Кроме скульптур, в чулане лежали ржавые якорные цепи и другой металлолом, два разбитых камня с мусульманских могил, набор старых телефонных аппаратов и с десяток игрушечных моделей пушек. Глядя на это нагромождение всякой всячины, я обратил внимание на два существенных обстоятельства. Во-первых, соседствующие с улыбающимся Буддой демоны изваяны древними скульпторами, которые не были ни мусульманами, ни буддистами. Во-вторых, эти художники тоже изобразили длинноухих с широкими дисками в растянутых ушных мочках.

В темном чулане невзрачного музея находилось неопровержимое свидетельство того, что на Мальдивах в ходе столетий сменились по меньшей мере три различные культуры, представленные ложем султана, Буддой и демонами. (Добавим и четвертую, если считать новейшую, представленную телефонами и пушками.) Помимо каменных изваяний, на ложе стояла довольно крупная, старинная деревянная скульптура, изображающая восточного вельможу в пышном одеянии. Однако она в счет не шла – эта вещь явно была найдена островитянами на берегу, куда, основательно потрепав, ее выбросили волны. А вот каменные головы, несомненно, были вытесаны на Мальдивах из местного известняка и служили объектами культа представителям двух разных

немусульманских верований. Из чего следовало, что им больше восьмисот лет. В ряду скульптур лежала еще одна голова Будды, величиной всего с яблоко. Тоже со следами излома на шее. И кончик носа отбит. При всем том великолепное изделие искусного мастера. Та же спокойная улыбка, только губы чуть толще и отчетливее выражены завитки волос. И длинные, до плеч, петли мочек с большими отверстиями. Сам Будда не носил затычек или каких-либо украшений в мочках, они свободно свисали, удлинённые еще в детстве этого индийского принца. А вот у демонов с кошачьими клыками и высунутым языком в отверстия мочек были вставлены широкие диски. Два самых крупных изображения этого демонического типа были выполнены не объемно, а высечены на стелах, как в искусстве майя, с гротескными ликами на каждой грани, кое-где даже друг над другом или на верхушке камня. В самом деле, обнаженные клыки, высунутый язык и диски в мочках придавали этим рельефам такое сходство с майяскими стелами или доинкскими статуями Южной Америки, какого не увидишь в изделиях, найденных на других островах Индийского океана. Поверх некоторых демонов были вытесаны криволинейные знаки какой-то диковинной письменности. Нам с Бьёрном показалось, что они напоминают письма мальдивских манускриптов, однако ни Абдул, ни музейные сторожа не брались их прочесть. А на одной стеле сохранились отчетливые следы красной краски.

Подле маленькой головы Будды лежала реалистично вырезанная каменная черепашка. На брюшной стороне панциря тщательно подогнанная крышка закрывала прямоугольную полость, очевидно, служившую хранилищем для каких-нибудь вотивных[3 - Вотивные предметы – от лат. «посвященный богам» – разнообразные предметы, приносимые в дар божеству ради исполнения желаемого.] предметов.

Рядом с огромными каменными ликами сидели два лилипута – две бронзовые фигурки, достаточно маленькие, чтобы какой-нибудь вороватый любитель антиквариата, заглянув в этот закуток, мог незаметно сунуть их в карман.

Сторожа называли их «будду». Но на Мальдивах любое человеческое изображение называлось «будду», будь то портрет Будды, дева Мария, персонаж из мультфильма или Черчилль.

Правда, одна из фигурок и впрямь изображала Будду. Типичный Будда, скрестив ноги, сидел в позе медитации, которую буддисты называют самадхи мудра, и которая призвана олицетворять сострадание, любовь и красоту. Вторая фигурка, со следами эрозии, явно была намного старше. И изображала она не Будду – об

этом говорили замысловатое одеяние и прическа, широкое ожерелье и множество браслетов на запястьях и лодыжках, а также цветочные узоры на плечах, груди и животе. Элегантная особа восседала то ли на подушке, то ли на пьедестале, поджав левую ногу и свесив правую. Индуистское божество по всей вероятности, милосердный творец и верховный владыка Шива. Два соперника в сфере религии – Шива и Будда – мирно сидели бок о бок на мусульманском ложе.

Скульптуры не были снабжены ярлыками, и сторожа посоветовали нам обратиться к Хасану Манику. Судя по всему, он один мог что-то знать об этих экспонатах, и только ему вообще было дело до них.

Манику подтвердил, что все каменные и бронзовые скульптуры найдены на Мальдивах. Но отдельно от большого Будды. Бронзовые фигурки давным-давно выкопали на одном из южных атоллов. Изображения демонов обнаружены недавно здесь, в Мале. Обратил я внимание на три плоские каменные маски, у двух из них – усы и длинные уши?

Да, конечно. Они находились на каменном ложе вместе с другими образцами.

Так вот, с легкой улыбкой объяснил Манику, одну из них нашли, когда рабочие прокладывали канализацию перед его собственным домом. Он вовремя ее увидел и спас от уничтожения.

– А две большие стелы? – спросил я.

Их нашли во время строительства на крайней восточной оконечности острова Мале. Как раз там, где, по преданию, с моря являлся демон, который требовал, чтобы ему приводили юных девственниц.

Я вспомнил эту древнюю легенду, записанную, в частности, Беллом. Давным-давно каждый месяц остров посещал грозный джинн, или демон. Сойдя на берег восточного мыса Мале, где помещался языческий храм будкхана, он требовал дани в виде девственницы. На другой день островитяне находили жертву в храме мертвой. Эта напасть продолжалась, пока на Мальдивы не прибыл благочестивый бербер-мусульманин из Северной Африки. Решив положить конец безобразию, он вечером спрятался вместо девственницы в храме и всю ночь громко читал Коран. Это заклинание оказалось таким сильным, что джинн больше не возвращался. Согласно некоторым старинным мальдивским

рукописям, именно после этого мальдивцы приняли мусульманскую веру.

Мне хотелось посмотреть место на восточном мысу, где легенда помещала языческий храм и где были найдены две самые большие стелы с демоническими ликами. Однако Манику холодно воспринял мою просьбу и решительно заявил, что там теперь нечего смотреть. Оди лишь новые каменные стены и склады современного центра технического обслуживания. Но если мы пожелаем, можем увидеть человеческий череп, найденный вместе со стелами. Когда копали землю под фундамент, в ней оказалось множество истлевших человеческих костей. От этой находки сохранили только череп, лежавший наверху самой большой стелы, на которой высечено пять длинноухих ликов.

Мы возвратились в музей, и сторожа извлекли из картонной коробки череп короткоголовой формы. Сразу вспомнилась древняя легенда, и нас пробрала дрожь: по всем признакам череп принадлежал молодой женщине.

Вот так прошел мой первый день на Мальдивах, и, возвратясь в гостиницу, я опустился в глубокое кресло, чтобы разобраться в обилии новых неожиданных впечатлений. От длинноухой статуи, ради которой я приехал, осталась только голова, но зато мы обнаружили полный чулан других длинноухих ликов, памятников еще более древней цивилизации, чьи представители, очевидно, достигли Мальдивов до буддистов и мусульман.

Развернув на коленях навигационную карту, я решил посмотреть на заметно осложнившуюся мальдивскую загадку глазами мореплавателя. Пусть не говорят мне, что на этих островах больше нечего открывать, если мы в первый же день обнаружили столько интересного. Я никак не хотел уезжать, не поискав самолично памятники, которые могли быть не замечены другими.

Но где начинать поиск? По последним официальным данным, островов 1196, и между ними нет регулярного сообщения. Большую голову Будды доставили с острова Тодду, к западу от Мале, маленькую нашли на Куранду, далеко на севере, обе бронзовые фигурки – откуда-то с южных атоллов, каменные демоны откопаны на самом Мале. И если верить Манику, на всех этих островах больше нечего искать.

Однако, узнав, что я хотел бы посетить какие-нибудь другие острова, Манику великодушно вручил мне ксерокопию рукописи, подготовленной им для печати.

Будущая брошюра содержала алфавитный перечень всех островов архипелага с короткими справками о наличии мечетей и о судах, которые разбивались на местном рифе. В нескольких случаях Манику добавил название возвышающегося на острове холма. Холмы – Манику, естественно, знал это – были рукотворные, сами по себе сооруженные коралловыми полипами известняковые атоллы – плоские, как теннисный корт. В некоторых из холмов люди успели покопаться – где Белл, где какой-нибудь кладоискатель. Но большинство оставались нетронутыми грудями коралловых обломков. Вряд ли внутри них что-то кроется.

А вдруг?

С первого взгляда само обилие островов могло обескуражить всякого, кто задался бы вопросом, где начинать поиск. Карта была испещрена контурами и названиями островов и рифов. В перечне Манику названия были хоть расставлены по алфавиту. Я посмотрел на первую страницу: Аахураа, Аахураа, Аахураа, еще раз Аахураа. Четыре одноименных острова. Три из них образовались после шторма в 1955 году, четвертый разрушен эрозией. Другая страница. Шесть островов Вилигили и еще столько же Вилигили с добавкой суффикса. Нет уж, лучше вернуться к картам.

На них с наименованиями дело обстояло не легче. У каждого атолла два, а то и больше названий, причем на разных картах разные. Да еще нынешние власти, чтобы внести хоть какую-то ясность, дали каждому атоллу свое имя. Эти новые, более короткие наименования звучат как знаки мальдивской письменности.

И только позиции островов читались однозначно.

– Искать надо здесь, – сказал я Бьёрну, ведя пальцем по линии экватора там, где она пересекала Мальдивский архипелаг.

Длинная гряда рифов и островов спускалась чуть ниже этой линии. И как раз на экваторе показан открытый в широтном направлении, свободный от рифов пролив с названием «проход Экваториальный». Я уже говорил об этом широком проливе – самом благоприятном пути для парусного судна, идущего в обход южной оконечности Азии. Кроме него, в Мальдивском барьере есть еще только один просвет, обеспечивающий свободное сообщение между западной и восточной частями Индийского океана, – так называемый пролив Полуторного градуса. Однако меня больше привлекал Экваториальный проход.

– Зачем забираться так далеко на юг? – поинтересовался Бьёрн.

Я назвал две причины. Для древних мореходов, которые ориентировались по солнцу и звездам, не составляло трудности выйти на экватор и следовать вдоль него. А еще эти мореплаватели поклонялись солнцу. Первой религией всех древнейших цивилизаций, чьи кормчие выходили в Индийский океан, было солнцепоклонничество. Основатели первых династий в Месопотамии, Египте и в долине Инда называли солнце своим прародителем. Следы этого верования можно видеть в индусских королевских генеалогиях, даже в именах Будды отразилось указание на происхождение от солнца. По своим исследованиям в Тихом океане я знал также, что полинезийские кормчие связывали с солнцем своего прародителя, бога Кане, великие мастера астронавигации, они называли экватор «золотой дорогой Кане, бога Солнца». Другие солнцепоклонники, инки, отметили в Эквадоре путь своего небесного предка монументом на экваторе.

Все эти древние народы верили, что в обитель бога Солнца и священных королей-героев можно было проникнуть через подземный ход, которым оно, пройдя днем на запад, ночью возвращалось на восток. Так что вполне естественно предположить: если в далекую пору солнцепоклонничества кормчие доходили до Мальдивов, Экваториальный проход был для них вдвойне важен – и как удобный путь, и как место особого религиозного значения. И окажись на экваторе среди океана кусок земной тверди, сам бог велел древнейшим мореплавателям соорудить на нем храм Солнца.

Терпеливо выслушав мои рассуждения, Бьёрн раздумчиво заметил, что у Экваториального прохода есть аэродром, единственный на Мальдивах, помимо столичного. Во время второй мировой войны британские ВМС соорудили взлетно-посадочную полосу на острове Ган, который был важной военной базой. База прекратила свое существование в 1976 году, но аэродром по-прежнему используется небольшими мальдивскими самолетами для перевозки туристов по круговому маршруту из Мале. Совпадение?

Нисколько. История повторяется. Выбирая среди тысячи с лишним островов архипелага, британские стратеги остановились на атолле у Экваториального прохода, потому что здесь пролегает кратчайший путь для судов, огибающих Южную Азию. Дальше на север мальдивские рифы составляют лабиринт, не менее опасный, чем минное заграждение.

Найл зашел в мой номер вместе со своими двумя коллегами, чтобы узнать о наших планах. С самого утра, когда мы приземлились в Мале, они прилежно снимали дхони в порту.

– Мы уже завтра отправляемся в путь, – решительно заявил я. – Курсом на Экваториальный проход.

Три киношника просияли и заявили, что хотят лететь с нами, если мы не против. Им говорили, что на юге архипелага можно увидеть дхони с прямыми парусами, похожие на древнеегипетские. Здесь, на севере, давно перешли на современные, треугольные паруса.

По правде сказать, я сам удивился, узнав, что на другой день и впрямь есть рейс на остров Ган у Экваториального прохода. Шестнадцатиместный самолет, очень похожий на крылатый вагон, стоял наготове. Нам требовалось восемь мест – половина всего наличия. Без помощи Манику мы Цне попали бы на этот рейс, да и то пришлось оставить весь провиант и половину съемочной аппаратуры. К тому же наш отряд пополнился представителем местных властей Мухамедом Вахидом – ему было поручено следить, чтобы нам не чинили препятствий.

Шагая к самолету под огнем семи нацеленных на меня камер киношников, предвкушающих драматические открытия, я чувствовал себя таким Чарлзом Линдбергом перед историческим перелетом через Атлантику. Кто знает, возможно, последующие кадры запечатлеют открытие некой забытой цивилизации на островах у Экваториального прохода. Начало явно смахивало на инсценировку. Но ведь это было только начало.

Глава II

Большой холм на Фуа-Мулаку

Кто такие редины?

Летя из Мале на юг над океаническим архипелагом, мы купались в солнечном сиянии, пронизывающем голубой простор над самолетом и под ним. Так и следовало быть, раз мы приближались к Золотой Дороге Солнечного Бога Кане. Однако над самым экватором мы с удивлением узрели внизу вереницу облаков, точно след от реактивного лайнера. И так как кругом в голубой океанской глади отражалось чистое голубое небо, можно было подумать, что тропическое солнце, пройдя на своем пути с востока на запад над самой водой, вскипятило часть поверхности. Узкая лента облаков, несомненно, возникла потому, что в этой части моря, над которым поднимались испарения, была другая температура. По нашим расчетам, где-то под нами проходило быстрое Экваториальное течение, меняя курс с восточного на западный вместе с сезонными ветрами – муссонами – над Индийским океаном. Возможно, эта могучая морская река вызывала вертикальные движения воды, наталкиваясь на острова, а может быть, Экваториальное течение гонит относительно холодный поток через просвет в Мальдивском барьере. Кстати, и пилот тут объявил, что мы пролетаем над Экваториальным проходом.

Вслед за этим наш самолетик описал круг над атоллom Адду, крайней южной точкой Мальдивского архипелага. Последний клочок суши... Сверху мы видели широкое кольцо коралловых рифов и отмелей, на которое были нанизаны плоские песчаные острова с зеленой шапкой кокосовых пальм, словно затеявших хоровод вокруг тихой лагуны. Один из островов назывался Ган, и здесь мы совершили мягкую посадку на бывшем британском аэродроме. Черный асфальт оказал нам горячий прием, и, спасаясь от полуденных залпов экваториального светила, мы в поисках тени поспешили к навесу, под которым укрылись от пламенного гнева бывшего солнечного божества служащие аэропорта.

Усилиями людей на Гане не осталось никаких природных убежищ. Лес был вырублен, и с ним исчез лиственный навес, созданный самим солнцем для защиты и питания всякой тропической живности.

На этом некогда цветущем острове Белл в 1922 году обнаружил рукотворный холм высотой около 10 метров, «укрытый в густом кустарнике с частоколом деревьев».

На гладкой поверхности острова вокруг взлетно-посадочной полосы не было видно никакого холма и никаких зарослей, и мы обратились за советом к наиболее пожилым из стоявших под навесом островитян. Где можно увидеть

устубу – большой холм, который Белл посчитал развалинами буддийской ступы? Нам указали рукой на асфальтовую дорожку. Во время второй мировой войны, когда на атолле Адду размещались британские военные, некоторые островитяне научились объясняться по-английски. Устубу был вон там, в конце полосы, – сказал один из них, ухмыляясь. Когда англичане решили разместить аэродром на Гане, старый холм оказался нежелательным препятствием. Его снесли бульдозерами, и обломки погребли под асфальтом. На идеально ровной взлетно-посадочной полосе не было видно ни одного бугорка.

Чем не трагикомедия? Мальдивцы своими силами расправились с прекрасным изваянием Будды, памятником их далекого прошлого. А здесь английские бульдозеры помогли им стереть с лица земли огромное сооружение, в котором бывший британский верховный комиссар усмотрел руины доисторического храма.

Глядя, как я тарашусь на уходящую к голубому горизонту пустую летную полосу, киношники рассмеялись. Если бы не раскаленный асфальт, они попросили бы меня выйти с ними на дорожку, чтобы снять, как я показываю на точку у моих ног, где находилось древнее сооружение. Право же, трагикомедия. Притом ставящая в неловкое положение как меня, прибывшего сюда в поисках доисторических памятников, так и тех, кто лишил последующие поколения возможности увидеть и, быть может, реконструировать примечательное древнее сооружение.

Кроме нашей восьмерки разочарованных чужеземцев, самолет доставил мальдивцев, которые сразу разошлись, встреченные родными и друзьями. Нам же оставалось только принять предложение расположиться в одном из бывших барачков ВВС. Мальдивцы превратили его в гостиницу для туристов, однако мы оказались единственными гостями. Свежая рыба под острым соусом в бывшей офицерской столовой вернула нам хорошее настроение. И поскольку гостиница была резервирована для иностранцев, нам подали пиво.

Захватив холодный напиток, мы сели в кресла на защищенной от солнца веранде нашего барака, чтобы поразмыслить. Я достал свою фотокопию публикации Белла – может быть, мы что-то упустили? Из текста следовало, что, когда Белл приезжал сюда, густые заросли не позволили досконально исследовать огромный холм. Длину окружности у основания он определил в 87 ярдов[4 - Ярд – британская и американская единица измерения расстояния, соответствует 91,44 см.]. Изначально все сооружение было одето тесаными

коралловыми блоками, однако со временем облицовка исчезла. Белл сообщал, что холм не один век снабжал мусульманских обитателей атолла Адду готовым строительным материалом для мечетей и домов вождей. Так что сам он застал только массивный круглый холм: «От облицовки на этом оголенном реликте давно исчезнувшей на Мальдивах религии буквально не осталось камня на камне, по которым можно было бы судить о его первоначальном виде». И еще: «Всю добычу... после двух дней «обработки» холма составили две старинные бусины, вероятно выброшенные предшественниками нынешнего мусульманского населения, когда они грабили эту «анафемскую» святыню». Из других островов атолла Адду лишь на северной оконечности Хитаду, который напрашивается на сравнение с пальцем, указывающим на Экваториальный проход, Белл нашел древние руины. Там ему попались остатки коралловых стен старинного укрепления неевропейского происхождения. Тем не менее старики на Гане посоветовали нам посетить Хитаду – дескать, там есть кое-что, помимо старой крепости.

И вот мы снова в пути, едем в тесном кузове аэродромного грузовика на Хитаду, уповая на то, что вдали от аэропорта, на другом конце атолла удастся найти какой-нибудь уцелевший памятник. Англичане засыпали мелководные просветы между островами вдоль западной дуги Адду, и по проложенной ими дороге мы проехали мимо селений и кокосовых рощ до самого Хитаду. У конца дороги мы застали несколько островитян, которые смотрели, как с дхони на берег доставляют серебристых тунцов. Один из зрителей заверил нас, что знает, где находятся важные древние развалины.

Ободренные таким заявлением, мы углубились в густые заросли, впереди шел наш босоногий проводник, за ним следовал я, возведенный моими спутниками в ранг эдакого Шерлока Холмса. Как-никак я прибыл на Мальдивы разгадывать тайну, а остальные по своему почину присоединились ко мне, рассчитывая снять то, что я обнаружу. Группа Найла была вооружена обычной съемочной и звукозаписывающей аппаратурой, подопечные Бьёрна – видеокамерами, и, пока одни снимали нас со спины, другие забегали вперед или забирались в кусты, чтобы снять, как мы приближаемся, проходим мимо и удаляемся туда, где (как мы надеялись) в чащобе нас ждут открытия.

Мне так никогда и не довелось увидеть отснятые метры пленки, запечатлевшие мое долгое шествие по стопам проводника, а заодно услышать, как мы пыхтели от жары и как хрустели под ногами сучья и коралловая крошка. Наконец мы вышли на какую-то прогалину, и проводник поднял руку: смотрите.

Смотрю: ничего не вижу.

– Ванна королевы! – гордо произнес проводник, тотчас перед лицом у меня и переводившего мне Абдула возникло по микрофону.

Я все еще ничего не видел. Островитянин шагнул вперед и показал на землю у своих ног. Маленькое углубление и лужица солоноватой воды, королеве разве что пальцы окунуть.

Видя, что я не в большом восторге, проводник объяснил:

– Раньше она была больше, но стенки обрушились, когда люди забрали камни для своих домов.

Мы и тут опоздали.

Может он показать что-нибудь еще? Проводник ответил утвердительно. На острове есть очень древняя каменная башня, ее воздвигли предки островитян, когда впервые прибыли сюда.

Снова камеры нацелились на исчезающие в кустах две пары ног. Вскоре послышался рокот прибоя, который ворошил на берегу обломки коралла. Проводник сказал, что идти осталось совсем немного. И вот он снова показывает на землю у своих ног.

Под просушенной солнцем растительностью – короткий ряд тесаных коралловых плит. Озадаченный, я наклонился, чтобы потрогать камни, и камеры взяли на прицел мою руку.

– Какая же это старая постройка, – разочарованно молвил я.

– Не очень старая, – согласился проводник. – Один английский офицер построил здесь себе дом.

– Но вы ведь обещали показать древнюю башню, которую воздвигли ваши предки!

– Так и есть! – Мое нетерпение явно удивило его. – Когда-то была древняя башня.

– Вот, смотрите!

Он указал на источенную эрозией плиту, выступавшую из-под фундамента английского дома. В самом деле – блок, обтесанный много веков назад. Возможно, он и впрямь был частью древнего сооружения. Скажем, основания башни изрядной высоты. Вот только самой башни не было. Однако это ничуть не смущало нашего проводника.

Могу ли я сомневаться в его словах, если он от своего деда слышал, что именно здесь стояла башня, построенная предками?

Обратно мы шли молча, и камеры не стрекотали. В одном месте я нагнулся, чтобы поднять какой-то вмятый ногами в землю предмет терракотового цвета, но тут же отбросил его, словно обжегся, обнаружив, что это кусок пластика, а чья-то камера уже нацелилась на мою руку.

Асфальт, пластик, жалкая лужа и дом английского офицера – жидковатый итог первого дня наших исследований вне музейных стен. Я спрашивал себя, что думают мои товарищи, – наверно, так же разочарованы, как и я. Во всяком случае, по ним этого не было видно. Вернувшись на дорогу, мы тепло попрощались с нашим приветливым проводником и, смеясь, забрались в кузов грузовика.

Итак, мы ничего не нашли. Однако то, что еще успели застать до нас другие, позволяло сделать определенный вывод. В древности на атолле Адду было два высоких каменных сооружения. Может быть, домусульманские храмы, может быть, оборонительные посты во всяком случае, их поместили так, чтобы они были видны с моря задолго до того, как покажутся сами низкие острова. Одно сооружение, о котором помнили островитяне и руины которого, вероятно, видел Белл, стояло на мысу, подобном пальцу, указывающему на Экваториальный проход. Другое, описанное Беллом как груда коралловых обломков высотой около 10 метров, помещалось в противоположном конце атолла, где волны Индийского океана омывают южную оконечность Мальдивского архипелага. С этих двух точек можно было обнаружить приближающегося с моря врага и помочь друзьям взять правильный курс. Самые подходящие места для

современных маяков, если бы понадобилось ставить их на пути мореплавателей, огибающих южную оконечность Азии. Башня на Хитаду могла служить ориентиром для тех, кто шел через Экваториальный проход: холм на Гане для предпочитающих более долгий путь южнее атолла Адду, в обход всего Мальдивского архипелага.

Вечером мы услышали от молодого мальдивца, который обслуживал нас в столовой, что в том же атолле есть еще руины на другом острове, куда нельзя добраться посуху. Он обещал завтра найти для нас лодку.

Окрыленные новой надеждой, мы поднялись рано утром, и за пятьдесят минут быстроходная моторная дхони доставила нас через всю лагуну на остров Миду, лежащий так же далеко к северо-востоку от Гана, как Хитаду к северо-западу. Миду и Хитаду отделены друг от друга длинной подводной секцией кольцевого рифа у входа в лагуну.

Здесь жители знали про руины и сразу проводили нас на место. Там мы увидели мощные бетонные бункеры и заросшие траншеи английские укрепления времен второй мировой войны, оборонявшие Экваториальный проход. Киношники даже не стали забирать с дхони свою аппаратуру. От их энтузиазма и чувства юмора мало что осталось, они не сразу взбодрились даже после того, как я воспрянул духом, почувствовав, что нам наконец-то немного повезло. Не такой уж эффектной была моя находка, но все же хоть какой-то ключ. От песчаного пляжа Миду в мелководную лагуну метров на 800 протянулся мол, к которому могли причаливать дхони с пассажирами и грузом. Что-то заставило меня присмотреться к бесформенным кускам коралла и белым известняковым блокам, образующим это сооружение. Мое внимание привлекли несколько камней, заметно отличающихся отделкой: гладко обтесанные, с желобками на одной грани, как будто они прежде составляли часть сложного архитектурного сооружения. Интересно... В начале мола у самого берега еще несколько тесаных глыб подпирали коралловую насыпь. Их уложили кое-как, не считаясь с рисунком орнамента.

– Эти камни взяты из какого-то храма, – объяснил я киношникам.

Они возразили, что такие изящные блоки не могли быть делом рук островитян, однако круглая войлочная шляпа, подаренная мне в тот день Бьёрном, явно заставила их опять вспомнить про Шерлока Холмса, и камеры операторов неотступно следили за моими руками, когда я указывал на беспорядочно

торчащие из груды известняковых глыб торцы и грани блоков с декором. Не послужат ли эти необычные камни своего рода пальцевым отпечатком?

Абдул спросил островитян, откуда они взяты. Послали за самым старым жителем селения, которому перевалило за девяносто, и он провел нас к площадке между высокими деревьями, где, по его словам, некогда стояли две «древние мечети». Дескать, тесаные камни брали в развалинах этих строений.

Я попросил показать мне нынешнюю мечеть. Нас привели к скромной постройке из дикого камня, скрепленного раствором. Ни один мусульманин не стал бы разрушать две великолепные мечети, сложенные из орнаментированных плит, с карнизами и фризами, чтобы соорудить взамен такую невзрачную конструкцию, а оставшиеся блоки использовать для садовых оград и мола. И где бы английские военные взяли средства и время, чтобы в разгар войны строить бункеры и бараки из камня с изящным декором наподобие эллинских храмов. Словом, связывать заинтриговавшие меня плиты с заброшенными мечетями и бункерами было бы полной нелепостью. Оставался вопрос: почему правоверные мусульмане разорили красивое культовое строение и обошлись с ним так неуважительно? Наконец-то нам встретились первые следы какой-то высокоразвитой цивилизации, чьи представители обосновались на этом экваториальном атолле задолго до того, как Мальдивами завладели мусульмане.

Вождь селения Миду разрешил взять с мола один блок с декором и увезти его на Ган, чтобы оттуда переслать в музей на Мале.

На атолле Адду нам явно больше нечего было делать, зато были все основания поближе взглянуть на некоторые другие острова в Экваториальном проходе, не испытавшие на себе воздействия современной цивилизации. Особенно заманчиво выглядел лежащий в центре широкого пролива, лишенный кольцевого рифа одинокий остров Фуа-Мулаку.

Мы тщетно пытались найти дхони для этой вылазки, наконец Бьёрн и Абдул сумели договориться с владельцем и капитаном сравнительно крупного судна местной постройки. Пришлось согласиться не только оплатить каждый день фрахта, но и позволить капитану взять других пассажиров. По имени острова судно называлось «Миду», его построили из вытесанных вручную досок, на которые пошли срубленные на атолле кокосовые пальмы. Высокий и широкий корпус придавал ему сходство с огромной ванной, накрытой палубой и покрашенной в зеленый цвет.

Когда рано утром следующего дня «Миду» пришел за нами на Ган, палуба уже была забита островитянами всех возрастов, так что судно напоминало Ноев ковчег с милых моему сердцу детских картинок. Правда, из животных на судне были только куры, зато потомки Ноя представлены по меньшей мере четырьмя поколениями. Команда и пассажиры благополучно сосуществовали, и юный араб усердно пек лепешки на очаге за штурвальным колесом. Наша восьмерка, зафрахтовавшая судно, втиснулась на борт и разместила свои камеры и прочее нехитрое имущество между узлами, сумками и грудями зеленых кокосовых орехов.

Хрупкие поручни, напоминающие садовую ограду, отделяли нас и наших попутчиков от океана, не давая свалиться за борт. Над палубой от кормы почти до самого носа был растянут брезент очень кстати, заключили мы, поскольку ночью над бывшей базой ВВС бушевала гроза с проливным дождем и в небе кругом все еще чернели завесы, чреватые шквалами.

Над головами скопища людей на палубе покачивались три деревянные койки, если так можно назвать подобие дверей, подвешенных на привязанных к углам веревок. Они были зарезервированы для самого капитана, Бьёрна и меня. Наши неунывающие товарищи улеглись на палубе в окружении смешливых мальдивских красавиц с детьми, с мужьями и без оных.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Дагоба – монолитное полусферическое сооружение, установленное на квадратной или круглой платформе. Разновидность буддийской ступы. Так же означает специальную камеру в ступе, предназначенную для хранения священных реликвий.

2

Ступа – в перев. со санскрита «макушка, куча земли, камней, земляной холм» – культовое буддийское архитектурно-скульптурное сооружение полусферической формы. Поначалу служило реликварием.

3

Вотивные предметы – от лат. «посвященный богам» – разнообразные предметы, приносимые в дар божеству ради исполнения желаемого.

4

Ярд – британская и американская единица измерения расстояния, соответствует 91,44 см.

Купить: https://tellnovel.com/heyerdal_tur/mal-divskaya-zagadka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)